

ОНТОЛОГИЯ УСПЕХА И ПОРАЖЕНИЯ

ГРИЩЕНКО Жанна Михайловна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник кафедры социологии Белорусского государственного университета.

Свое понимание объекта исследования мы не ограничиваем набором формальных признаков *властвующей* (или правящей в данный конкретный отрезок времени) политической элиты. Такой подход значительно обеднил бы драматический контекст политических реалий современного Белорусского общества, сузив их до необходимости анализа группы лиц, интегрированных и организованных как совокупный субъект политического действия. Основными критериями отбора в данном случае выступали бы: наличие формального привилегированного статуса, фактическое обладание властными полномочиями, предполагающими непосредственное участие в принятии государственных решений (на законодательном и исполнительном уровнях) вплоть до распределения ценностей и ресурсов.

Политическая элита Беларуси (как, впрочем, и всего постсоветского пространства) значительно объемнее по массиву, красочнее по палитре и интереснее по существу. Хотя, по правде говоря, единственным и достаточным основанием такого расширенного толкования объекта является факт его присутствия на современной политической авансцене. Вся эта многоликая совокупность политических субъектов индивидуальных (в лице лидеров) и коллективных (например, партии, движения, ветви власти и др.), заявивших о себе организационно и порой достаточно громко (что не эквивалентно продуктивности с точки зрения продвижения трансформационных процессов), - и есть наша отечественная политическая элита.

Одновременно с ней существует другая часть населения - гражданское общество. С точки зрения обыденного сознания - "есть мы и они". И в самой этой дилемме, как нельзя лучше, хотя и весьма абстрактно, выражена вся сила отчуждения между первыми и вторыми. Не касаясь частных случаев, заметим, что потенциал этого отчуждения (за весь период трансформации белорусского общества) отмечен динамикой прогрессирующего характера. Практически треть населения республики выражает откровенный *негативизм* в адрес политической элиты в целом. На эмпирическом уровне данная закономерность прослеживается в результатах мониторингового исследования политической ситуации с включением традиционного вопроса "С кем Вы связываете надежды на улучшение своего положения?" От 32% до 38% населения выражают *неприятие* любой из предлагаемых для "надежд" альтернатив, останавливая свой выбор на варианте "Ни с кем". Даже в особо экстремальных ситуациях, как правило,

побуждающих участников на необходимость четкого определения своих личностных предпочтений, чью сторону занять, массив отрицающих все без исключения стороны политического конфликта остается предельно устойчивым. Данный вывод подтвердили, например, события, развернувшиеся в Минске весной (апрель) 1997 г., когда на авансцене политической борьбы столкнулись силы оппозиции (массовые митинги протеста) и силы реальной власти (ответившие некоторым ужесточением политического режима с применением санкций ареста). Динамика конфликта была скоротечной. Нам удалось зафиксировать тот ее момент, когда общественное мнение было наиболее близко к своей *поляризации*, ибо разница между сторонниками правительства и сторонниками оппозиции не превышала 10% (перевес на стороне правительства). Но и в этих обстоятельствах ситуативного эмоционального накала страстей населения столицы все те же 37% оставались *индифферентными* к обеим сторонам. Более того, принявшие сторону оппозиции (24%) выражали скорее свое *несогласие* с правительством по поводу внедряемой практики ужесточения ответной реакции, нежели единение с оппозицией по поводу культивируемых ею ценностей. Попытка оценить меру популярности оппозиционного крыла политической элиты на уровне когнитивного резонанса наблюдаемого конфликта (в массовом сознании) сузила число сторонников оппозиции до 10%. Одновременно процент осудивших обе стороны конфликта подскочил до 42,4%. Таким образом, по мере перехода от *эмоционального* спектра оценки ситуации со стороны вовлеченных в нее слоев населения к *рациональному*, наблюдается усиление эффекта их отчужденности и от политического конфликта в принципе, и от задействованных в нем сторон, каждая из которых представляет рафинированный образец отечественной элиты.

Устойчивый характер отчуждения третьей части населения республики от ее политической элиты сопряжен с другой, не менее выраженной закономерностью. На протяжении целого ряда лет практически все социологические службы фиксируют устойчивый характер рейтинга первого президента (от 37% до 42% в среднем). Сам по себе факт достаточно красноречивый, чтобы говорить о феномене Лукашенко как самостоятельном предмете анализа. Однако в данном случае мы акцентируем внимание на том, что многолетняя отечественная социологическая практика выкристаллизовала сопряженность двух характерных для современного гражданского общества Беларуси тенденций: отчужденность значительной его части от политической элиты в целом и приверженность не менее значительной его части личностной позиции президента. Иными словами - наличие устойчивого и сравнительно высокого рейтинга первого лица страны и одновременно устойчивое отсутствие рейтинга всей элитарной пирамиды, как властвующей, так и не властвующей. Все частности в лицах, партиях, ветвях власти, оппозиции не выходят по итогам многочисленных рейтинговых замеров за рамки сопутствующего (рейтингу президента) фона, набирая в среднем от 1 до 3% голосов. Парадокс сложившейся ситуации, таким образом, заключается в том, что авторитет, хотя и первого, но все же одного лица страны, удерживает баланс равновесия между терпимостью-нетерпимостью гражданского общества к его политической элите. Внутри последней проходит водораздел, отсекающий верхушку элитарной пирамиды от остальной ее части. В этом, пожалуй, выражается основное противоречие современной политической элиты. При этом гораздо легче понять суть противоречий между оппозицией и властью в целом (они на поверхности), чем постигнуть природу имеющих место противоречий внутри самой властвующей политической элиты, между ее верхними и низшими этажами.

С фактом недееспособности политической элиты местного уровня Лукашенко столкнулся практически одновременно с началом реализации своих президентских полномочий. Не случайно, что одной из первых политических акций президента стал процесс реформирования системы местного самоуправления. Именно данная политическая инициатива, вошедшая в историю как создание и укрепление президентской вертикали, породила один из первых предметных конфликтов президента с оппозицией. Однако адекватность принятых политических решений была продиктована

объективной необходимостью практического поиска путей выхода из тупика безвластия, граничащего с анархией. Системный кризис власти достиг своего апогея именно к концу 1994 г. Он характеризовался наличием целого комплекса противоречий, носивших откровенно затяжной и углубляющийся характер. Мы фиксировали их на уровне местных политических элит в ходе мониторингового исследования, осуществляемого в рамках международного проекта "Демократия и местная власть". Сравнительный анализ данных убедительно свидетельствовал о следующем:

Во-первых, об очевидной глобализации проблем, в особенности экономического характера, отодвинувших далеко на периферийный план даже последствия Чернобыльской катастрофы.

Во-вторых, о синхронном с актуализацией проблем падении ответственности органов власти на местах по всем ключевым позициям реализуемых полномочий.

В-третьих, о резком снижении практического влияния местной элиты на ход событий. Так, в 8 из 13 анализируемых сферах управления (экономика, сельское хозяйство, безработица, жилищная проблема, здравоохранение, образование и др.) более половины (от 52% до 70%) опрошенных на тот период руководителей зафиксировали свою полную недееспособность. В оставшихся 5 сферах преломления властных полномочий процент признавших свою практическую несостоятельность колебался в интервале от 36% до 47%.

В-четвертых, об очевидном сужении социальной опоры власти на местах. Так, контакт с руководителями государственных предприятий сократился с 54,5% в 1991 г. до 38,9% к началу 1995, обращение населения в местные органы власти с 24,2% в 1991 г. до 16,7% к началу 1995.

Все это свидетельствовало о падении авторитета политической элиты местного уровня среди населения, которое массовым потоком бросилось в Центр за помощью. Этим, собственно, и ознаменовался начальный период правления Лукашенко А.Г. Поэтому предпринятые им шаги по реформированию системы местного самоуправления носили безусловную *инструментальную* ценность, хотя и получали негативный резонанс как внутри страны, так и за ее пределами. Логическая оправданность правительственных решений в контексте тех данных, которыми располагала социология, была очевидной. Как очевидным было и то, что реализуемые инициативы волевого Центра, без сопутствующих им экономических рычагов интенсификации народного хозяйства, могут привести лишь к временному эффекту. Осуществленное в середине 1997 г. социологическое обследование состояния дел в промышленности республики подтвердило наше предположение о том, что заявленный рост ВВП является эффектом преимущественно административно-хозяйственного порядка. Полученные данные фиксируют существенную дифференциацию между промышленными объектами по целому комплексу производственных показателей: прибыльности (20%), сбыту продукции (13%), модернизации (13%), фактической загруженности работников (18%), регулярности выплат заработной платы (14%) и пр. Одновременно по критерию состояния производственной дисциплины и порядка разница между промышленными объектами не улавливается (5%, что вписывается в рамки допустимой статистической погрешности). С учетом того эмпирического факта, что в целом параметр производственной дисциплины и порядка оценивается респондентами достаточно высоко (от 74% до 79% положительных оценок) следует констатировать, что потенциал наблюдаемого административно-хозяйственного эффекта практически исчерпан. Вместе с тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в восприятии рабочего класса республики, природа наблюдаемого эффекта сдвигов в промышленности напрямую связана со слаженностью управленческого механизма на уровне волевого центра (ассоциирующегося с личностью президента) и хозяйствующих низов (преимущественно руководителей промышленных предприятий). В рейтинговой итоговой таблице президент и директорский корпус получают соответственно первое и второе порядковые места. Таким образом, полученные результаты позволяют констатировать продуктивность "смычки" между политической верхушкой и хозяйственной элитой.

Политическая элита местного значения опять осталась вне позитивных оценок со стороны массового сознания (рабочий класс), набрав 4,7% голосов.

Произошло то, что и должно было произойти: преодоление системного кризиса власти пошло по традиционной схеме усиления исполнительной ответственности на местах. Все опосредующие этот процесс управленческие звенья поняли свою роль однозначно как трансляторов решений и инициатив, аккумулируемых и выражаемых Центром. К сожалению, при этом наблюдалась "замороженность" инициативы местного уровня власти, который фактически "оцепенел" в ожидании директив Центра и практически исчерпал свой творческий потенциал на дисциплинарной самоотдаче. В значительной мере этому способствовал очевидный дисбаланс между *личными* интересами сохранения официальных позиций и собственно *национальными* интересами. Тем более, что общенациональные интересы, ни в области государственной идеологии, ни, тем более в экономической сфере, не выкристаллизовались настолько, чтобы быть выраженными на уровне концептуальном. Данная тенденция (к слову сказать, характерная для всего постсоветского пространства) создала объективные предпосылки положения, когда национальный интерес выступает скорее фактором *раскола* политических элит (трактующих его по-своему), нежели цементирующей основой их единения.

Предпочтительность личного интереса над общенациональным блестяще продемонстрировало осенью 1996 г. оппозиционное крыло Верховного Совета республики, сумевшее довести конфликт с президентом до логически бездарного завершения - трансформировавшись из оппозиции во власти в оппозицию вне всякой власти. Мотивируя они свое поведение государственными интересами, эффект мог бы выразиться в том, что оппозиционное крыло ВС стало бы конструктивным ядром будущего парламента. Доминанта личного интереса над общественным - фактор, объединяющий политические элиты Беларуси (и не только). Разница лишь в том, что в одном случае он выступает как фактор, сковывающий инициативу (страх потерять должность), а в другом, напротив, - как стимул активизации деятельности (привлечь внимание широкой общественности и "подпитать" интерес к себе как значимой политической силе). Несмотря на принципиальную разницу диспозиций современных элит на политической сцене, гражданское общество привычно оценивает их как *монолит*, для которого предпочтительность личных интересов обогачения, карьеры, успеха давно приобрели *легитимный* характер. По существу это одни и те же лица, безболезненно переходящие из структур власти в оппозицию и обратно - из оппозиции в структуры власти.

Чтобы адекватно оценить всю степень психологического отчуждения гражданского общества от его политической элиты, надо, наконец, достаточно откровенно признать тот факт, что все эти затянувшиеся политические игры сопровождались фатальным пренебрежением к социальному благу. В результате миллионы масс были поставлены перед необходимостью стихийного самовывживания и спонтанной адаптации к условиям "шоковой терапии", затянувшейся более, чем на десятилетие. Внутри самого гражданского общества произошел раскол, отделивший его незначительную часть, сумевших успешно адаптироваться к изменившимся социальным условиям и вести "достойный образ жизни", от основной части населения, столкнувшейся с резким обнищанием, незащищенностью и бесперспективностью. Происходящая в данный период переоценка ценностей (на второй своей волне отрицание отрицания) пошла по пути прогрессирующей ностальгии по Союзу, "твердой руке" в руководстве, дисциплине и порядку в стране. Адекватность позиции А.Г. Лукашенко как раз в том и проявилась, что его стратегический курс соответствовал интересам большинства населения. Данное обстоятельство позволило определенной части аналитиков трактовать феномен Лукашенко не иначе, как непосредственное следование за массовым сознанием. Сущность данной трактовки сводится к тому, что гражданское общество в своем демократическом становлении значительно отстает от развития политических элит. Если последние более или менее четко *идентифицированы* по интересам и

ценностям, то гражданское общество не достигло аналогичного уровня агрегации и артикуляции своих интересов. В том, собственно, и состоит трагедия современных политических элит, что аккумулируемые ими ценности не находят поддержки в широких социальных слоях. Этим, например, объясняется непопулярность партий как субъектов политического действия. Массовое сознание неспособно до настоящего момента дифференцироваться по интересам, а выступает как монолит глобальных для себя ценностей - наличия рубля в кармане и возврата к старым добрым временам, отмеченных памятью хотя бы в том, что этот рубль был гарантирован. Однако мало осознать эти закономерности общественного развития (хотя на это ушли годы), став в привилегированную позу "продвинутого" сознания. Качество политика как раз в том и состоит, чтобы корректировать свою деятельность в соответствии с объективными реалиями трансформаций, тем более, если они носят глобальный для страны характер. Феномен А.Г. Лукашенко, надо признать, состоит именно в том, что ему это удалось как никому другому из современных лидеров постсоветского пространства.

Вместе с тем, природа успеха первого президента Беларуси вполне противоречива по сути. Многолетнее изучение данного вопроса вывело нас на любопытные с этой точки зрения закономерности. Каким путем складывается рейтинг президента страны? Факт отсутствия статистически значимого эффекта корреляции рейтинга Лукашенко с экономическими предпочтениями массового сознания обратил на себя в этой связи особое внимание. Экономические ориентации рабочего класса республики не дифференцируются фактором принадлежности - непринадлежности к электорату президента. Какие гипотезы могут быть признаны достаточными для объяснения этого явления?

Гипотеза 1. Отношение массового сознания к перспективам экономического развития страны амбивалентно и представляет собой спонтанно развивающийся процесс, где доминируют скорее эмоциональные, а не когнитивные механизмы саморефлексии. В принципе данная тенденция органична и весьма логична именно для массового сознания, ограниченного порогом своей компетентности.

Гипотеза 2. Экономическая политика современного руководства страны не получила своей выраженности по сути настолько, чтобы быть идентифицированной общественным мнением с личностью президента. В этом случае существует реальная угроза адекватности руководства объективным реалиям и возможность перехвата инициативы оппонентами.

Гипотеза 3. Получила выраженность именно умеренно-плюралистическая стратегическая линия руководства в сфере экономических трансформаций, лишенная крайне радикальных установок и скачков. Основанная на позиции настороженного, взвешенного подхода к системной перестройке экономики, такая стратегия может находить позитивный отклик в широких слоях населения. В данной ситуации экономический фактор остается незадействованным в определении симпатий-антипатий к президенту. Последнее может быть опосредовано другими факторами (например, политического характера).

Гипотеза 4. Рейтинг президента формируется безотносительно к оценке реализуемого им экономического курса, что не исключает, а, напротив, предполагает вероятность включения в оценочную сферу политического аспекта.

Гипотеза 5. Рейтинг первого лица страны вообще может складываться безотносительно к реалиям, как экономическим, так и политическим. В этом случае его можно объяснить как стихийный поток эмоциональных симпатий, инспирированных харизматической сущностью личности А.Г. Лукашенко.

Правда состоит в том, что природа феномена Президента Беларуси может быть адекватно понята с учетом всех перечисленных выше предположений. Безусловно слабым моментом здесь является лишь одно — отсутствие выраженной объективации стратегического типа экономического сознания. Хотя и этот факт может быть обоснован необходимостью выработки грамотного подхода к экономическим трансформациям. В этом смысле некоторая сознательная затянутость решения проблемы

может дать позитивный эффект, т.к. потенциал доверия народа попыткам *радикальных* шагаханий в экономике давно исчерпан.

Неоднозначность природы успеха президента РБ обеспечивает ему широкую социальную поддержку в массах. Расхожее мнение оппонентов о том, что электорат Лукашенко состоит преимущественно из наиболее старой (пенсионеры) и наименее образованной (колхозники) части населения, обнаружил свою несостоятельность в фактах убедительной победы Лукашенко и на президентских выборах, и на последующих всенародных референдумах. Более того, качественная определенность его электората менее всего обусловлена соотношением представленных в нем социальных слоев населения. Следует иметь в виду, что общие закономерности отечественных трансформаций сопровождалась резким падением и фактическим выравниванием уровней жизни всех без исключения слоев населения. Прямым следствием такого положения вещей стала некоторая "размытость" принципиальных границ между ними. Поэтому куда более важной сегодня является постановка вопроса о том, какие социокультурные типы сознания представлены в электорате Лукашенко и каково их реальное соотношение на сегодня?

Углубление изысканий в этом направлении (на основе использования метода кластерного анализа социокультурных ценностей населения) позволяет утверждать следующее: помимо достаточно традиционных потребительского и патерналистского типов сознания, в электорате Лукашенко увеличивается доля прагматического типа сознания (сегодня около 20%). Эмпирические эквиваленты последнего выражены в установке - "жить богато, но честно, соизмеряя свои возможности с фактической самореализацией своих способностей". Вот такие совсем нетипичные, казалось бы, для нашего общества сегодня корреляции обнаружили свою значимость в среде активной части гражданского общества, преимущественно молодежи до 30 лет. Наметившаяся тенденция вселяет оптимизм. И не потому, что объективирует собой реальный потенциал успеха стратегического курса первого президента Беларуси, а потому что обнаруживает, наконец, человеческие ресурсы, способные обеспечить разумное будущее страны.